

**ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
К ВЫИГРЫШАМ ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЗАЙМАМ
1946–1957 ГОДОВ**

В статье рассматриваются особенности отношения населения к выигрышам по внутренним массовым займам 1946–1957 годов, в частности: какие проблемы интересовали советских граждан в связи с займами, каким образом они пытались выразить своё отношение к действиям государства, удавалось ли им повлиять на займовую политику? На основе анализа «писем во власть» делается вывод о существовании противоречивой реакции советских граждан на данный способ возмещения внутреннего государственного долга. Недоступность выигрыша для широких масс населения побуждала людей к обращению в государственные органы с целью повлиять на финансовую политику, позволяла им выразить свое мнение, заявить о непонимании действий государства в экономической сфере, а также реализовать свое право на получение обратной связи от органов власти. Тем не менее поток обращений не привел правительство и общество к достижению социального компромисса по поводу проводимых финансовых мероприятий. Под давлением общественного мнения советское правительство лишь изменило соотношение крупных и мелких выигрышей по займам. Выражаемое гражданами отношение к выигрышам демонстрировало результат закрепления в общественном сознании уравнилельных идеологических установок, которые позволяли примириться с низкой вероятностью выигрыша. Сохранившиеся в архивах документы свидетельствуют о восприятии населением выигрыша по массовому займу как социальной аномалии.

выигрыши; массовые займы; реакция населения; советское общество; государственная финансовая политика

Государственные займы в СССР были одной из статей доходов общесоюзного бюджета. В довоенное и в военное время советское правительство активно привлекало денежные средства населения в качестве дополнительного финансирования объектов социалистической индустрии.

После войны массовые внутренние займы по-прежнему оставались одним из источников пополнения государственного бюджета, но цель привлечения и использования средств населения теперь состояла в восстановлении и в развитии народного хозяйства. Подобная цель была понятна и очевидна обществу, ведь масштаб разрушений, нанесённых войной, был велик и в связи с этим требовались дополнительные средства.

Государство получало деньги от займа на возмездной основе. В условиях выпуска реализуемого по подписке займа говорилось о том, что деньги будут возвращаться через тиражи выигрышей и тиражи погашения. Каждый заём выпускался на 20 лет, тиражи выигрышей проводились два раза в год, тиражи погашения начинались после пяти лет реализации займа. Выигрыш мог составить денежную сумму в размере 200, 500, 1000, 5000, 10 000, 25 000 и 50 000 рублей. Все эти суммы в разном количестве разыгрывались в каждом тираже. Каждый заём был разделён на разряды по 100 000 000 рублей, каждому разряду соответствовали определённые серии и номера облигаций. Выигрыш выпадал на конкретную облигацию, которую необходимо было предъявить в сберкассе. Если на облигацию выпадал крупный выигрыш (от 10 000 руб.), то она проверялась Главным управлением государственных трудовых сберкасс и государственного кредита Госбанка СССР, которое занималось подготовкой и проведением всех займовых кампаний. Тиражи выигрышей по Государственным займам восстановления и развития народного хозяйства СССР проводились в разных регионах Советского Союза. Таблицы выигрышей публиковались в газетах после непосредственного проведения тиражей. Выигранные денежные суммы не облагались налогами.

Если особенности послевоенных кампаний подписки на займы изучены отечественной и зарубежной историографией ¹, то отношение людей к выигрышам, как правило, оставалось вне

---

¹ См., напр.: Бердникова Т. Б. Сталинские послевоенные займы: директивы и жизнь // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. : материалы VII Междунар. науч. конф., Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М. : РОССПЭН : Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. С. 451–463 ; Ее же. Транзит культуры ценных бумаг: от Сталина — к приватизации // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории : материалы VIII Междунар. науч. конф. М. : РОССПЭН, 2016. С. 392–404 ; Козлов В. А., Козлова М. Е. Принуждение к добровольности: «сталинский человек» и послевоенные займы (по материалам Советской военной администрации в

поля зрения историков. Исключениями являются статья Е. Д. Твердюковой, в которой рассматривается правовое регулирование избирательных прав граждан, живших на нетрудовые доходы в 1920-е годы (выигрыши по внутренним массовым займам относились к этой категории)², а также некоторые аспекты отношения к выигрышам затрагиваются в очерке Н. Б. Лебиной, посвященном лотерее в Советском Союзе³. Иных исследований, где внимательно изучается отношение людей к выигрышам по займам в отечественной историографии, на данный момент не обнаружено.

Источниковую базу нашего исследования составляют письма граждан в адрес органов власти и государственных деятелей. Эти источники в литературе принято обозначать как «письма во власть». К ним относятся разные группы эпистолярных документов: письма, заявления, жалобы, проекты, предложения, доносы и т. д.⁴ «Письма во власть» — достаточно хорошо изученный тип исторических источников, но в контексте социальных аспектов финансовой политики они практически не исследованы. Особое значение этих писем состоит в том, что через них мы можем изучать работу с населением после проведения кампаний подписки на займы.

Граждане писали в Совет Министров СССР, Министерство финансов СССР, Главное управление гострудсберкасс и госкредита СССР. Из государственных деятелей адресатами писем были И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущёв, Г. М. Маленков, В. М. Молотов, А. Г. Зверев. Вне зависимости от адресата все письма по поводу выигрышей в государственных займах переводились в Главное управление гострудсберкасс и госкредита СССР, где составлялись ответы и выносились решения по предложениям.

Документы, использованные в статье, ранее не вводились в научный оборот. Основной их массив хранится в Государственном архиве Российской Федерации (фонд Совета Министров СССР) и в Российском государственном архиве экономики (фонд Главного управления гострудсберкасс и госкредита СССР и личный фонд А. Г. Зверева).

Сами письма являются примером выражения индивидуального мнения, однако при этом авторам было важно не только высказать свою точку зрения, но и получить обратную связь от представителей власти, что способствовало более близкому контакту человека и государства.

Важно отметить, что некоторые авторы писем для решения вопроса в свою пользу старались представить себя и свою ситуацию в самом выгодном свете. В связи с этим целесообразно более пристально изучать средства речевой выразительности авторов писем, что позволит глубже понять эмоциональный фон эпохи, выявить степень восприятия информационной картины о займах, формируемой государством. Не менее интересным для данной работы является изучение вопросов, связанных со степенью искренности авторов обращений в органы власти.

В отдельных письмах, особенно в письмах-жалобах, трудно полностью выявить «индивидуальное». С уверенностью можно утверждать лишь о желании автора вскрыть, используя терминологию Н. Б. Лебиной, социальную «аномалию»⁵, с которой он столкнулся, и решить, как ему действовать дальше.

Займы с учетом того что платежи по ним были достаточно тяжелы для населения (размер ежегодной подписки нередко был равен месячному заработку и даже превышал его), и выигрыши, которые получали далеко не все, становились причиной столкновения государственного и гражданского интересов. По мнению Н. Б. Лебиной, периодические розыгрыши по займам являлись государственной формой поддержания «инстинкта азарта»⁶, не имевшего иных легальных форм реализации.

Письма часто являлись свидетельством наивного отношения граждан к лотереям. Нередко в Главное управление гострудсберкасс и госкредита СССР поступали обращения с просьбой

Германии, 1946–1949 гг.) // История. Научное обозрение OSTKRAFT. М. : Модест Колеров, 2018. № 2. С. 5–31. URL : http://ostkraft.ru/books/book74_1.pdf (дата обращения: 25.01.2019) ; Ironside K. The Value of Ruble: A Social History of Money in Postwar Soviet Russia, 1945–1964. PhD Dissertation, University of Chicago, 2014.

² Подробнее см. : Твердюкова Е. Д. Выигрыши по государственным внутренним займам в 1920-е гг. в СССР и проблема нетрудовых доходов (об одном избирательном казусе) // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2018. № 4. С. 117–125.

³ Подробнее см. : Лебина Н. Б. Лотерея // Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине жизни российского города: 1917–1991. М. : Новое литературное обозрение, 2019. С. 206–223.

⁴ См.: Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М. : РОССПЭН, 1998. С. 5.

⁵ Под аномалией в данном случае следует понимать явление или событие не только выходящее за пределы правового поля, но и не являющееся общественно одобряемым.

⁶ Лебина Н. Б. Лотерея. С. 220.

проверить номера выигрышных облигаций. Обычно сотрудники управления отвечали отказом на подобные просьбы ⁷.

Многие люди полагали, что письмо с указанием номеров и серий облигаций позволит им получить заветный выигрыш. Так, в одном анонимном письме женщины указывались серии и номера двух 200-рублёвых облигаций из Государственного двухпроцентного выигрышного займа 1948 года ⁸. В своем письме она просила включить их в следующий тираж выигрышей, потому что считала несправедливым отсутствие какого-либо вознаграждения за те средства, которые они с мужем дали займы государству. Чтобы убедить своего адресата предоставить ей право выиграть, она описала количественный состав своей семьи и семьи соседки, которая недавно выиграла 10 000 рублей. «В войну мой муж подписывался на 10 тыс., и я всегда на 4, 3, 2 тысячи, но почему-то ни один номер не выигрывает. В нашем городе, хоть и небольшой он, но очень многие всегда выигрывают, мы, видно, несчастливые, подписываемся мы охотно и радостно ждём выигрыша, а всё ничего. Вы нас забыли», — писала она ⁹.

Иногда отправитель письма указывал серии и номера имевшихся у него облигаций с совершенно противоположной просьбой — исключить их из тиражей выигрышей. Так, житель города Светогорска Ленинградской области М. И. Шишкин заявил, что во время его пребывания в Ленинграде у него были похищены облигации, и он не хотел, чтобы средства, вложенные им «на пользу государства» ¹⁰, привели к незаконному получению выигрыша другим человеком. Главное управление ответило М. И. Шишкину, что выполнить его просьбу невозможно из-за повтора указанных серий и номеров облигаций в других разрядах займов ¹¹.

Одной из типичных форм реакции населения на выигрыши были предложения об изменении их соотношения (крупных и мелких) или о перенаправлении средств на более значимые народнохозяйственные проекты, затрачиваемых на выигрыши. Например, газосварщик из Ленинграда П. М. Кукушкин предлагал передать все средства, предназначенные для выплаты выигрышей в 1946 году (по займу 1938 г.), «в помощь восстановлению городов и селений, разрушенных немецкими оккупантами» ¹², а также выделить часть из этих денег в качестве ссуд на индивидуальное жилищное строительство. Предложение было отклонено с обоснованием, что оно «по сути означает отказ государства от выполнения своих обязательств перед заимодержателями» ¹³. Авторы таких писем предлагали государству обратить внимание на действительно насущные проблемы послевоенного восстановления, для решения которых финансовая поддержка была наиболее актуальна.

В 1949–1950 годах в Министерство финансов СССР, в периодические издания и лично на имя И. В. Сталина, Г. М. Маленкова, В. М. Молотова, А. Н. Косыгина, А. Г. Зверева значительно увеличилось количество писем граждан с предложениями отменить крупные выигрыши. Так, например, житель города Ленинграда Кувалдин просил министра финансов СССР А. Г. Зверева отменить выигрыши в размере 10 000, 25 000 и 50 000 рублей и увеличить число более мелких выигрышей, мотивируя это тем, что такое изменение в условиях займа «повысило бы заинтересованность подписчиков, ибо, чего грех таить, при современных условиях займа ждёшь, ждёшь выигрыша и всё напрасно, ибо вероятность “попадания” очень мала» ¹⁴. Автор письма также акцентировал внимание на том, что он не получил «от государства обратно ещё ни одного рубля» ¹⁵, и уточнил, что он ни разу не выигрывал. Желанием выиграть руководствовался и ленинградец Н. И. Иванов, который утверждал, что даже выигрыш в 400 или 500 рублей принесёт ему «столько радости» только потому, что «выпало счастье» ¹⁶. Можно сказать, что согласие даже на самый малый выигрыш становилось своеобразным компромиссом между государственным и личным интересом в займовых кампаниях. Возможно, желание получить небольшой выигрыш диктовалось нередко прагматичной целью — покрыть сиюминутные нужды.

Увеличение количества таких писем на протяжении 1949–1950 годов было связано, по мнению граждан, во-первых, с невыгодной конверсией всех ранее выпущенных займов,

⁷ См.: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7599. Оп. 20. Д. 1145. Л. 7.

⁸ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 51. Д. 2650. Л. 203–203 об.

⁹ Там же.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 7599. Оп. 20. Д. 807. Л. 186.

¹¹ См. там же. Л. 185.

¹² РГАЭ. Ф. 7599. Оп. 19. Д. 34. Л. 7.

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 7599. Оп. 20. Д. 1148. Л. 15.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Д. 1146. Л. 43.

проведённой в 1948 году, во-вторых, с усталостью от ожидания заветного выигрыша, в-третьих, с невозможностью его получения («заём — пустая бумага»¹⁷, «займы — обман»¹⁸). Однако подобные по эмоциональной силе высказывания чаще встречались в анонимных письмах.

Именно из этих писем мы узнаем, что некоторые граждане хотели сжечь имевшиеся у них облигации, чтобы «не волновали сердце», обвиняя, по сути дела, государство в обмане¹⁹. Думается, анонимность служила своеобразным способом защиты от возможных негативных последствий, в том числе и зависти в случаях получения отдельными гражданами выигрышей.

Кроме того, некоторые граждане, особенно пенсионного возраста, боялись не дожить до момента получения какого-либо выигрыша²⁰, что также погружало их в отчаяние. Наиболее ярко оно проявилось в письме кочегара Сочи-Хостинского военного санатория Министерства Вооружённых сил СССР А. И. Лубягина на имя К. Е. Ворошилова. Автор неоднократно направлял по этому вопросу в Министерство финансов СССР письма, но просьбы его отклонялись Главным управлением гострудсберкасс и госкредита СССР, куда они пересылались на рассмотрение, и он решил обратиться непосредственно к руководству государства. «Каждый трудящийся, в том числе и я, подписываемся и выкупаем при своих мизерных зарплатах 300–600 р. в месяц — на 2–3 месячных заработка и вот тут-то и начинаются разговоры: каждый раз подписываемся, а выигрышей очень мало (одна треть). Кому-то попадает 50, 25, 10 или 5 тыс. руб., а нам в большинстве “фига”», — писал Лубягин²¹. Он также просил К. Е. Ворошилова «душевно» разрешить этот вопрос и подключить к этому решению И. В. Сталина, за чьим мнением Лубягин был готов беспрекословно следовать, заявляя, что «ведь это дело всенародное — и тогда я буду согласен на всё “как он скажет”»²², выражая тем самым характерное для народа доверие только к верховной власти²³, в то же время крупный выигрыш не был для него целью, поскольку он не хотел присваивать себе средства других советских тружеников, ставя восстановление народного хозяйства выше личного обогащения.

Крупный выигрыш по займу оценивался как нечто чуждое советской морали, проявление собственничества, пережиток капитализма. Люди, выигравшие сумму в 50 000 и 25 000 рублей и улучшившие свое материальное положение (приобрели одежду, предметы домашней обстановки, машину), нередко подвергались насилию: им разбивали окна, грабили, избивали (порой до инвалидности)²⁴. Обладатели таких облигаций характеризовались как лица, потерявшие «человеческий» облик²⁵, а иногда и как мошенники, обманувшие государство. Так, в коллективном письме сотрудников Ленинградского научно-исследовательского института Министерства судостроительной промышленности, человек, выигравший 10 000 рублей, считался несправедливо обогатившимся за счёт государства, потому что «он сразу как бы окупил свои займы за 5–6 лет»²⁶ (видимо, авторы полагали, что такой человек подписывался более чем на 1000 рублей). Отправители письма предлагали либо полностью отказаться от выигрышей, либо установить максимальный размер выигрыша в 1000 рублей, мотивируя это тем, чтобы сумма, сопоставимая с размером зарплаты, не провоцировала бы негативные эмоции и не становилась бы источником социальной напряжённости.

Население особенно болезненно реагировало, если крупный выигрыш выпадал руководящим лицам или сотрудникам финансовых органов. Возникало предположение, что эти люди знают больше о распределении выигрышей и используют свои знания для собственной выгоды. Гражданка В. Милославская в письме на имя Г. М. Маленкова привела факт, когда начальник финансового управления присвоил себе 8 крупных выигрышей (место действия и суммы в письме не указывались)²⁷. Деньги при этом получали подставные лица. Возможно, никто бы и не узнал об этом случае, если бы некоторые из участников преступной схемы не

¹⁷ Там же. Д. 1145. Л. 61.

¹⁸ Там же. Л. 20.

¹⁹ См.: ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 80. Д. 2365. Л. 197 об.

²⁰ См. там же. Д. 463. Л. 31 ; Оп. 91. Д. 817. Л. 2.

²¹ РГАЭ. Ф. 7599. Оп. 20. Д. 807. Л. 125.

²² Там же.

²³ См., напр.: Зубкова Е. Ю. «Привычка к бедности». Проблемы измерения уровня жизни в СССР в 1940–1960-е годы // Российская история. 2013. № 5. С. 94.

²⁴ См.: РГАЭ. Ф. 7599. Оп. 20. Д. 1146. Л. 43.

²⁵ См. там же. Иногда некоторые граждане после получения крупного выигрыша отказывались участвовать в дальнейших кампаниях подписки, чем подкрепляли негативное к себе отношение. См., напр.: Центральный государственный архив историко-политических документов. СПб. Ф. Р-24. Оп. 54. Д. 26. Л. 131.

²⁶ Там же. Д. 1148. Л. 92.

²⁷ См.: ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 81. Д. 2377. Л. 330–329.

проговорились. Полагая, что пример не является единичным, Милославская предложила отозвать все выигрыши по IV и V Государственным займам и раздать их как прибавку к зарплате рабочим на стройках коммунизма, кроме торговых работников (заведующих столовыми, магазинами), которые, по словам Милославской, «и так будут (братъ. — М. Н.) кусочки послаще и пожирнее»²⁸. О мошенничестве при получении выигрышей сотрудникам контрольно-ревизионных отделов республиканских и союзных управлений сберкасс зачастую было известно и помимо сообщений с мест. Злоупотребления сотрудников финансовых органов были не менее острой проблемой, чем споры о количестве крупных и мелких выигрышей, предусмотренных условиями выпуска государственных займов.

Некоторые граждане предлагали полностью отменить выигрыши, поставив восстановление социалистической экономики выше личной выгоды, поскольку «все старания государства направлены на нас же самих (советских граждан. — М. Н.)»²⁹. Поток однотипных писем из разных регионов страны стал для Министерства финансов СССР причиной отмены выигрышей в 50 000 рублей ещё в 1950 году, а в 1951 году было сокращено количество выигрышей в 25 000 рублей³⁰, но изменение соотношения крупных и мелких выигрышей не привело к снижению числа людей, желавших выиграть хотя бы что-то. В Главное управление гострудсберкасс и госкредита СССР после 1951 года от разных граждан и коллективов поступали письма с просьбами оставить максимальные выигрыши не более 10 000 или 5000 рублей³¹. Одним из типичных было предложение оставить выигрыши только в тех займах, поступления от которых не играли существенной роли в экономике государства³². Подобный путь, с одной стороны, мог бы послужить способом достижения социального компромисса между патриотично настроенными гражданами и теми, кому важна была материальная выгода, но соответствующее решение руководством страны так и не было принято. С другой стороны, подобные письма служат свидетельством необходимости закрепления эгалитарных идеологических установок — население ради сохранения социальной справедливости искренне желало, чтобы каждый гражданин Советского Союза получил хотя бы немного либо чтобы никто вообще ничего не получал, поскольку «заём — дело всенародное». В итоге правительство отказалось и от выигрышей свыше 5000 рублей, что было реализовано в государственных займах развития народного хозяйства СССР в 1955–1957 годах.

Сотрудники финансовых органов и население имели нередко противоположные взгляды на роль крупных выигрышей в государственных займах. Многие граждане связывали увеличение количества мелких выигрышей с популяризацией идеи подписки среди населения, а в ответах из Главного управления гострудсберкасс и госкредита СССР утверждалось, что именно крупный выигрыш является основным фактором, стимулирующим интерес населения к займу³³.

Многие сознательные граждане создавали проекты, направленные на устранение недостатков существующей финансовой системы. Такие письма классифицировались как «рационализаторские предложения», поэтому в архивных делах они встречаются вперемешку с предложениями от штатных сотрудников сберкасс разных уровней исправить операционные и организационные элементы системы сберегательного дела. Подробные проекты стали появляться спустя несколько лет после первой послевоенной кампании подписки на займы в 1946 году, когда напряжение военного времени ослабло. Так, житель Ленинграда П. Е. Байчев в 1948 году выступил с предложением перенести срок размещения Государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР. Будучи экономистом, значительную часть письма он посвятил именно обоснованию экономической эффективности займов. В связи с тем что в местных бюджетах доля доходов от государственных займов была выше, чем в общесоюзном бюджете (17 % против 5 % соответственно)³⁴, и при выпуске займа 2–3 мая поступления от них не могли быть учтены в бюджетах на второй квартал 1948 года, автор предложил выпускать заём 1 апреля, чтобы ликвидировать пробел в местных бюджетах, но с условием, что большая часть денег

---

²⁸ Там же.

²⁹ РГАЭ. Ф. 7599. Оп. 20. Д. 1148. Л. 91.

³⁰ См. там же. Д. 1145. Л. 7.

³¹ См. там же. Д. 2531. Л. 215.

³² См. там же. Д. 807. Л. 128 об.

³³ См. там же. Д. 463. Л. 48.

³⁴ См. там же. Д. 462. Л. 97.

будет внесена колхозниками сразу³⁵, а первое удержание с рабочих и служащих произойдёт в первых числах мая. По мнению Байчева, такой вариант был бы выгоден как для городского, так и для сельского населения, потому что для горожан равномерно распределятся удержания по налогам и взносам по займу, а для колхозников — в бюджет поступят дополнительные средства на финансирование социально-культурных учреждений села и народнохозяйственные нужды.

Подобное предложение не было лишено смысла, но, к сожалению, не воплотилось в жизнь. В ответном письме за подписью начальника Главного управления гострудсберкасс и госкредита СССР Н. Оболенского отмечалось, что «при решении этого вопроса обычно учитываются как изложенные... бюджетные соображения, так и ряд других организационных предпосылок»³⁶, но раскрывать данные предпосылки никто не стал, а предлагаемые Байчевым сроки признали неприемлемыми.

Существовали проекты и другого рода. Например, ленинградец Г. И. Брозголь написал в Министерство финансов письмо с предложением выпуска «автооблигаций», предназначенных для приобретения личного транспорта. Выпуск подобного вида ценных бумаг он обосновывал повышением благосостояния народа, при этом, однако, отмечал, что «не всякий ещё располагает достаточными средствами»³⁷, чтобы обладать собственным средством передвижения. По его проекту приобретение определенного количества «автооблигаций» на сумму, эквивалентную стоимости мотоцикла или легкового автомобиля, давало бы право обменять их на некий «документ» и на беспрепятственное получение транспорта. При этом автор не приводит подробного описания проекта, предлагая сделать это Совету министров СССР. По сути проект предполагал частичное возвращение практики денежно-вещевых лотерей, имевших место в довоенное время.

В одном из обнаруженных нами писем, также поступивших в Главное управление гострудсберкасс, содержалось предложение о выпуске жилищного займа-лотереи, благодаря которому, по мнению автора письма, можно было бы приблизиться к решению «вечного» жилищного вопроса. Проект, автором которого являлся инженер-строитель Д. С. Колодезников, изначально поступил в Бюро рационализации и изобретений Министерства финансов СССР, и скорее всего побудительным мотивом для разработки проекта стало принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 года «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов»³⁸. Финансирование массового жилищного строительства Колодезников предлагал решить через выпуск облигаций и лотерейных билетов, которые позволили бы с течением времени приобрести за 3 облигации любого достоинства, в одном из 30 указанных автором городов³⁹ индивидуальную жилплощадь: частный дом из двух комнат с кухней площадью от 20 до 30 м² со всеми удобствами и с приусадебным участком, или комнаты площадью от 12 до 18 м², или отдельной квартиры площадью от 30 до 40 м² с ванной. Гражданин Колодезников понимал, что для реализации его проекта требуется не только финансирование в форме займа, но и значительное количество рабочих рук, которые бы занимались строительством разыгрываемой в лотерею жилплощади, поэтому он предлагал создать новый строительный трест, а также привлекать держателей облигаций в 3000 рублей для работы на стройке, при этом в облигации должны были содержаться отрезные купоны на 80 часов работы. Заём-лотерею предполагалось проводить в течение пяти лет, за это же время нужно было построить 41 000 комнат и 60 000 индивидуальных домиков. Рассчитав все показатели доходов и расходов по проекту, автор пришёл к выводу, что данный заём был бы убыточным для государства в 86 900 000 рублей, но имел бы «полезной жилплощади в среднем 615 000 м², а если вместе с индивидуальными домами, то 2 115 000 м²»⁴⁰.

Главное управление посчитало проект Д. С. Колодезникова нецелесообразным под тем предлогом, что средства, поступающие от государственных займов, и так «используются на финансирование мероприятий, осуществляемых в соответствии с народно-хозяйственным планом, в том числе и на строительство жилого фонда»⁴¹.

---

³⁵ Практика показала, что во время подписки на заём на селе большая часть сумм вносилась крестьянами-колхозниками наличными деньгами, что покрывало от 50 до 70 % плана подписки по региону. В некоторых колхозах вносили 100 %.

³⁶ РГАЭ. Ф. 7599. Оп. 20. Д. 462. Л. 95.

³⁷ Там же. Д. 807. Л. 85.

³⁸ См.: О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов : указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.08.1948. URL : <https://www.derev-grad.ru/zakon-stroitelstvo/zakonodatelstvo-o-stroitelstve-sssr4/ukaz-prezidiuma-vs-sssr-ot-26-08-1948-o-prave-grazhdan-na-po.html> (дата обращения : 31.01.2019).

³⁹ См.: РГАЭ. Ф. 7599. Оп. 20. Д. 1083. Л. 51.

⁴⁰ Там же. Л. 53.

⁴¹ РГАЭ. Ф. 7599. Оп. 20. Д. 1083. Л. 48.

Некоторые граждане предлагали проводить «лотереи мира», чтобы дополнительно в условиях холодной войны профинансировать государство в деле защиты мирного международного порядка. Авторами таких пожеланий обычно выступали уже пожилые граждане, инвалиды. Например, пожилой ленинградский рабочий З. И. Маноим написал письмо, в котором выразил негодование по поводу недостатка средств на укрепление обороны СССР по сравнению с США. ««Людоеды» с Уолл-Стрит и американский президент-палач Г. Трумэн тратят на военные вопросы 76 %, а Советский Союз на укрепление обороны тратит 18,5 %»⁴², поэтому необходимо, считал он, организовать «лотерею мира», чтобы укрепить оборонный бюджет.

В таком же духе размышлял ленинградец А. А. Марченко, предлагая выпустить «заём мира»⁴³. В его проекте фигурировала фигура У. Черчилля как одного из «поджигателей войны». Конкретное финансовое предложение состояло в передаче двух-трёх-недельного заработка в бюджет государства, а сам автор, инвалид 1 группы, соглашался передать свою пенсию за январь «на дело мира»⁴⁴. Проект содержал в себе много эмоциональных высказываний, газетных клише (например: «поджигатели войны», «проклятые капиталисты», «палачи-людоеды», «знаменосец мира»), а заканчивалось это послание выводом о нежелании новой войны. Однако подобные проекты не рассматривались всерьёз на правительственном уровне.

Одним из наиболее основательных был проект С. В. Воронина, механика Ленинградского оптического института имени С. И. Вавилова. Автор предлагал пересмотреть всю систему государственных займов, начиная от выпуска облигаций в качестве средства расчёта по массовым займам и заканчивая тиражами выигрышей. Вместо облигаций, было предложено выпустить специальные сберегательные книжки с выигрышными вкладами. Необходимость такого формата взаимоотношений займодержателей и государства объяснялась тем, что облигации — это элемент «капиталистических стран», где их используют для торговли на бирже. Воронин полагал, что данное нововведение смогло бы снять проблему утраты ценностей в случае кражи или утери облигаций, а также повысить доверие людей к хранению денег в сберегательных кассах.

Автор письма предлагал изменить количество тиражей выигрышей (шесть тиражей в год), но сам выигрыш должен состоять не в получении фиксированной суммы денег, а в прибавлении процента к общей сумме средств, хранящихся у гражданина в сберкассе. Погашение производилось бы постепенно специальными тиражами, которые также предполагали операции со сберкнижками, а не с облигациями, что упрощало бы процессы в рамках работы по займам. Но такое предложение не получило поддержки, несмотря на рациональное зерно.

В проектах 1950-х годов чаще высказывались пожелания сокращения количества тиражей выигрышей, а также проведения новой конверсии займов. К 1956 году у населения на руках имелись облигации свыше 10 разнообразных займов (массовых и выигрышных), по которым регулярно проводились розыгрыши и погашения, что порождало путаницу и вызывало общественное недовольство. Так, рабочий Ижорского завода В. В. Ершов направил письмо А. Г. Звереву, в котором описал новый заём, предполагающий проведение конверсии предыдущих займов и уменьшение количества тиражей выигрышей. Автор полагал, что использование средств, полученных государством от населения, окажется более рациональным. Само предложение состояло в объединении всех выпущенных с 1948 года займов в новый заём шестой пятилетки, а выигрыш выражался бы в доходном проценте⁴⁵. Тиражи предлагалось проводить ежеквартально, а облигации всех предыдущих займов обменять на заём единого образца в соотношении 1 к 1. Самым крупным выигрышем автор предлагал считать сумму в 5000 рублей, что уже было реализовано государством в 1955 году. В своем проекте автор обрисовывал новый заём крайне схематично, но желание упорядочить количество имеющихся облигаций, исключить крупные выигрыши является вполне типичным для того времени. Однако в этом проекте впервые говорится о фиксированном месте проведения тиражей выигрышей и погашения, а именно только в Москве. Возможно, это помогло бы снизить количество нарушений и увеличить скорость доведения информации о них в контролирующие органы Министерства финансов.

Рассмотрев письма об отношении населения СССР к займам, можно сделать вывод, что подобные письма являлись реальным способом выстраивания диалога с властью. Желание быть

---

⁴² Там же. Д. 1146. Л. 35.

⁴³ Там же. Д. 809. Л. 110–111 об.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ РГАЭ. Ф. 7599. Оп. 20. Д. 2822. Л. 125.

услышанными, заявить о своих правах, почувствовать декларируемую государством «заботу», несомненно, побуждало людей обращаться к сильным мира сего.

Проанализировав ряд конкретных предложений, можно убедиться, что имели место как крайне наивные, так и довольно рациональные варианты отношения к выигрышам и займам, что, несмотря на фиксирование выигрышей в условиях выпуска займа, сама ситуация выигрыша для граждан не являлась ежедневной «нормой» и письма в государственные органы могли быть попыткой установления баланса между «нормой» и социальной «аномалией»⁴⁶. Крупный выигрыш не считался общественно одобряемым, поскольку становился предметом социальной несправедливости, а также зависти со стороны граждан, которые не получали ничего. В данном случае уместно согласиться с мнением В. А. Сомова и Е. А. Бесединой о том, что парадоксальность архивного материала состоит в фиксировании не «нормы», а отклонения от неё⁴⁷. Общедоступность выигрыша не порождала бы необходимости обращения в органы власти, не требовала бы принятия каких-либо решений, кажущихся способными уравновесить положение в обществе. Предложения уменьшить количество крупных выигрышей могут служить подтверждением сложности реализации крупных денежных сумм в советской послевоенной повседневности, а также определённого страха обывателей перед негативным общественным отношением к их обладателям.

Из всех рассмотренных нами обращений позитивный ответ государства получило только предложение о сокращении крупных выигрышей, однако его успех также нельзя назвать абсолютным, поскольку качественного изменения ситуации не произошло — люди продолжали писать письма по поводу изменения сумм выигрышей вплоть до отмены займов в 1957 году. Социальный компромисс до конца достигнут не был, хотя количество крупных выигрышей постепенно уменьшалось.

Проекты новых займов также не нашли поддержки со стороны правительства. В них можно увидеть стремление граждан решать насущные проблемы внутри страны, заботу о сохранении мира на земле, попытки самостоятельно и рационально способствовать достижению того уровня «благополучия», о котором постоянно шла речь в послевоенном советском информационном пространстве. Нельзя категорично заявлять о том, что деньги населения от займов не использовались по назначению, но ощущение прямой связи между декларируемыми государством лозунгами о повышении благосостояния и реальным положением не было достаточно отчётливым.

Анонимность писем позволяла их авторам выразить свои отрицательные эмоции по поводу того, что практика государственных займов не приближала то благополучие, о котором говорилось в периодических изданиях, и не решала проблемы социальной справедливости, но выражение таких эмоций могло навлечь на авторов писем негативные последствия. Письмо к власти в некотором смысле можно рассматривать как «эмоциональное убежище»⁴⁸, позволяющее как-то выразить то, что накопилось за продолжительное время.

Изученные документы показывают, что в обществе существовало некоторое непонимание финансовой политики государства, которое не стремилось отходить от избранного курса в формировании доходов бюджета. Мнение населения существенного влияния не оказывало на действия властей.

Письма об изменении соотношения количества крупных и мелких выигрышей нельзя характеризовать как документы, написанные исключительно ради поддержки решений государства со стороны общества. Нельзя обнаружить здесь и признаки запущенной сверху кампании. В них виден результат закрепления в сознании людей «уравнительных», отвечающих принципам социальной справедливости идеологических установок. Граждане выражали согласие на самый незначительный выигрыш для всех, ибо уравнительные идеологические установки позволяли легче относиться к слабой вероятности выигрыша, либо категорически отказывались от него в том числе для использования средств в реализации важных для всей страны народнохозяйственных планов. В итоге можно сказать, что выигрыш по займу по разным причинам не стал для советского человека повседневной практикой.

---

⁴⁶ Подробнее см.: Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.

⁴⁷ См.: Сомов В. А., Беседина Е. А. А. А. Зиновьев о проблемах исторического познания Советской эпохи // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 2. С. 508.

⁴⁸ Плампер Я. История эмоций / пер. с нем. К. Левинсон. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 421.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Бердникова Т. Б. Сталинские послевоенные займы: директивы и жизнь // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. : материалы VII Междунар. науч. конф. — М. : РОССПЭН : Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. — С. 451–463.
2. Бердникова Т. Б. Транзит культуры ценных бумаг: от Сталина — к приватизации // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории : материалы VIII Междунар. науч. конф. — М. : РОССПЭН, 2016. — С. 392–404.
3. Зубкова Е. Ю. «Привычка к бедности». Проблемы измерения уровня жизни в СССР в 1940–1960-е годы // Российская история. — 2013. — № 5. — С. 92–104.
4. Козлов В. А., Козлова М. Е. Принуждение к добровольности: «сталинский человек» и послевоенные займы (по материалам Советской военной администрации в Германии, 1946–1949 гг.) // История. Научное обозрение OSTKRAFT. — М. : Модест Колеров, 2018. — № 2. — С. 5–31. — URL : http://ostkraft.ru/books/book74_1.pdf (дата обращения: 25.01.2019).
5. Лебина Н. Б. Лотерея // Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине жизни российского города: 1917–1991. — М. : Новое литературное обозрение, 2019. — С. 206–223.
6. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю : моногр. — М. : Новое литературное обозрение, 2015. — 488 с.
7. Твердюкова Е. Д. Выигрыши по государственным внутренним займам в 1920-е гг. в СССР и проблема нетрудовых доходов (об одном избирательном казусе) // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. — 2018. — № 4. — С. 117–125.
8. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. — М. : РОССПЭН, 1998. — 664 с.
9. Плампер Я. История эмоций / пер. с нем. К. Левинсон. — М. : Новое литературное обозрение, 2018. — 568 с.
10. Сомов В. А., Беседина Е. А. А. А. Зиновьев о проблемах исторического познания Советской эпохи // Новейшая история России. — 2018. — Т. 8, № 2. — С. 507–517.

Сведения об авторе

Новиков Максим Дмитриевич — аспирант кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Сфера научных интересов: советское общество после 1945 года, финансовые отношения государства и общества в СССР.

Контактная информация: e-mail: maximnovikov3@mail.ru

M. D. Novikov

SOVIET PEOPLE'S ATTITUDE TO STATE LOTTERY WINNINGS IN 1946–1957

The article focuses on Soviet citizens' attitude to winnings in the state lottery in 1946–1957. The analysis of people's letters to the Soviet authorities shows that Soviet citizens expressed conflicting attitudes to national lotteries as a means of paying off the inner debt of the Soviet State. Since the majority of people had little chance of winning in national lotteries, they addressed the authorities hoping to influence the country's financial policy. In their letters, people shared their emotions and fears, complained of their inability to understand the state economic policy, expressed their hope to receive a response. However, Soviet society and Soviet authorities failed to reach a financial compromise. Influenced by public opinion, the Soviet government made a feeble attempt to equalize winning chances. Soviet citizens' acceptance of low winning odds served as a manifestation of people's acceptance of the ideological principles of equalization. The analysis of archival materials shows that the majority of Soviet people treated state lottery winnings as social anomalies.

winnings; national lotteries; people's reaction; Soviet society; state fiscal policy

REFERENCES

1. Berdnikova T. B. Stalin's postwar loans: directives and life. *Materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. "Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg."* [Proceedings of the 7th International Research Conference "The Soviet State and Society during the Late Stalin Period. 1945–1953"]. Moscow, ROSSPEN Publ., Boris Yeltsin Presidential Center Publ., 2015, pp. 451–463. (In Russian).
2. Berdnikova T. B. Securities Transition: from Stalin to Privatization. *Materialy VIII Mezhdunar. nauch. konf. "Posle Stalina. Reformy 1950-h godov v kontekste sovetskoj i postsovetskoj istorii"* [Proceedings of the 8th International Research Conference "The Post-Stalin Era. Reforms of the 1950s in the Context of Soviet and Post-Soviet History"]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2016, pp. 392–404. (In Russian).
3. Zubkova E. Ju. Used to Being Poor. Measuring the Standard of Living in the USSR in the 1940s–1960s. *Rossijskaja istorija* [Russian History]. 2013, no. 5, pp. 92–104. (In Russian).
4. Kozlov V. A., Kozlova M. E. Obligatory Voluntariness: People of the Stalin Era and Post-war Loans (Based on the materials of the Soviet Military Administration in Germany, 1946–1949. *Istorija. Nauchnoe obozrenie* [History. Scientific Review. OSTKRAFT]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2018, no. 2, pp. 5–31. Available at: http://ostkraft.ru/books/book74_1.pdf (accessed: 25.01.2019). (In Russian).
5. Lebina N. B. Lottery. *Passazhiry kolbasnogo poezda. Jetjudy k kartine zhizni rossijskogo goroda: 1917–1991* [Passengers of the Kolbasa Train. Sketches of a Small Russian Town: 1917–1991]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2019, pp. 206–223. (In Russian).
6. Lebina N. B. *Sovetskaja povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilju* [Soviet Everyday Life: Norm and Anomaly. From Military Communism to Bolshevism]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2015, 488 p. (In Russian).
7. Tverdjukova E. D. State Lottery Winnings in the USSR in the 1920s and the Problem of Unearned Income (on a n Incident). *Peterburgskij istoricheskij zhurnal: issledovanija po rossijskoj i vseobshhej istorii* [St. Petersburg Historical Journal: Russian History and World History Research]. 2018, no. 4, pp. 117–125. (In Russian).
8. Livshin A. Ja., Orlov I. B. (comp). *Pis'ma vo vlast'. 1917–1927. Zajavlenija, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i bol'shevistskim vozhdjam* [Letters to the Authorities. 1917–1927. Statements, Complaints, Denunciations, Letters to the Government and to Bolshevik Authorities]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 664 p. (In Russian).
9. Plamper J. *Istorija jemocij* [History of Emotion] (transl. from the German of K. Levinson). Moscow, New Literary Observer Publ., 2018, 568 p. (In Russian).
10. Somov V. A., Besedina E. A. A. A. Zinovyev on the Issue of Historical Cognition. *Novejshaja istorija Rossii* [Modern Russian History]. 2018, vol. 8, no. 2, pp. 507–517. (In Russian).

Information about the author

Novikov Maksim Dmitriyevich — Postgraduate of Department of Contemporary Russian History of the Institute of History at St. Petersburg State University.

Research interests: Soviet society after 1945, financial relations between the Soviet State and Soviet society.

Contact information: e-mail: maximnovikov3@mail.ru

Поступила в редакцию 01.02.2019

Received 01.02.2019